

ПРОЕКТ

«ПУТИН»

**ВЛАДИСЛАВ
ИНОЗЕМЦЕВ**
**КАК САНКЦИИ
УДАРЯТ
ПО РОССИИ**

Проект «Путин»

Владислав Иноземцев

Как санкции ударят по России

«Алисторус»

2014

Иноземцев В. Л.

Как санкции ударят по России / В. Л. Иноземцев — «Алисторус», 2014 — (Проект «Путин»)

Владислав Иноземцев – один из тех специалистов, чьи прогнозы всегда сбываются. Ведущий российский экономист, социолог и политический деятель, он является автором более 300 печатных работ, опубликованных в России, Франции, Великобритании и США. В своей новой книге В. Иноземцев рассуждает о самой актуальной теме в жизни современной России – что принесут нашей стране и нашему народу санкции Запада против РФ? У автора свой взгляд на эту проблему, основанный на глубоком знании экономической и политической обстановки в мире и России. Особое внимание он уделяет, естественно, политике В.В. Путина и его ответным мерам на санкции западных стран. Достаточно ли эффективны эти ответные меры, сможет ли Россия избежать серьезных потерь, не будет ли резкого ухудшения социально-экономической обстановки в стране? Наконец, как отразятся санкции на положении самого Путина, усилится или ослабнет его власть? Ответы автора книги на эти вопросы и его выводы логичны и обоснованы.

© Иноземцев В. Л., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Русский Европейский интеллектual	5
Предисловие	7
Стоит ли вся Россия одного Крыма?	8
Что случилось с Россией?	8
Что же это за общество?	8
Секрет становления российского авторитаризма	10
Базовый принцип новой системы	11
Перспективы	12
Россия на пути к новому средневековью	14
Украинская авантюра дорого обойдется Путину	16
Не надо жертвовать Россией ради Крыма	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владислав Иноземцев

Как санкции ударят по России

Русский Европейский интеллектуал

Нассим Талеб, знаменитый американский интеллектуал и финансист, автор нашумевших бестселлеров «Черный лебедь» и «Антихрупкость», говорил, что формулировать теории ныне имеют моральное право только практики. Которые «едят то, что готовят». То есть – в реальной жизни ставят свой успех в прямую зависимость от эффективности своих концептуальных построений.

Владислав Иноземцев – почти идеальный пример «тalebовского человека», глубокого теоретика и смелого практика в одном флаконе.

Биография Иноземцева весьма примечательна. Он родился в Горьком (Нижем Новгороде), детство провел в Белоруссии, в 15 лет (!) поступил на экономический факультет МГУ, который окончил с отличием. В 20 лет он уже был главой Научного студенческого общества МГУ. А в 1990-е сделал карьеру банкира, в неполные тридцать став председателем правления Московско-Парижского банка. Так что практику современной рыночной экономики и финансовых систем он освоил давно и прочно.

В первом десятилетии XXI века, потребовавшем совершенно нового осмысления глобальных процессов в приложении к туманной российской действительности, Владислав Иноземцев смещается в область теории. В эти годы он заводит близкое знакомство с наиболее влиятельными и актуальными интеллектуалами мира – от Дэниела Белла до Френсиса Фукуямы. Становится одним из ключевых российских идеологов модернизации, постиндустриального и постэкономического общества. (Замечу, всё это – в тридцать с небольшим).

Далее на очереди – политика. Где синтез теории и практики – предварительное условие осмысленного действия и залог выживания. Иноземцев смыкается с российской оппозицией, системной и несистемной. В 2012 году подписывает, вместе с несколькими десятками единомышленников, обращение «Путин должен уйти». (Владимир Владимирович, как мы знаем, к обращению не прислушался; возможно, напрасно). Участвует в трудах и делах разных партий: «Правое дело», «Гражданская платформа», «Гражданская сила»...

Иноземцева наших дней уже можно назвать ключевым нашим идеологом европейского выбора России. Автор книги, которую вы сейчас читаете, не только знает и понимает, что Россия – это Европа. Но и может это объяснить – столь же убедительно, сколь и доходчиво, и узким профессиональным сообществам, и широким народным массам. Эта книга содержит тому немало доказательств.

Иноземцев досконально вникает в любой вопрос, которым занимается, он совершенно лишен поверхностности, верхоглядства, столь присущих многим российским (и не только российским) интеллектуалам. Владислав Леонидович – страж факта и кладезь фактуры. Когда я хочу узнать, как изменилась за последние 10 лет ВВП Китая, на чем зиждется экономика Австрии или насколько российская оборонная промышленность зависит от иностранных технологий, я выбираю один из двух вариантов: а) покопаться в Интернете; б) спросить у Иноземцева. Второе решение – всегда гораздо более быстрое, а главное, надежное, ибо Иноземцев достовернее Интернета. И, если он только не слишком занят, я стремлюсь реализовать план б).

Но, в то же время, автор этой книги – вовсе не начетчик, становящийся заложником информационного вала. Любую проблему, которая ему интересна, он стремится понять, проанализировать и осмыслить с разных сторон, во всей ее глубине и полноте. Вот почему Ино-

земцев рождает немало новых идей, и при том ни одна из них не выглядит ни случайной, ни скороспелой.

Владислав Леонидович всегда привлекал меня (мы знакомы хоть и не близко, но довольно давно) свежестью подхода к любой теме, постоянной готовностью к интеллектуальным экспериментам, аналитической и синтетической дерзостью, – но без разудалого авантюризма. Иноземцев практически всегда свеж, в нем нет ни грана нафталина, он избавлен от идеологических штампов, которыми заражены многие и многие наши эксперты.

По своему опыту я знаю, как сложно в современной России быть независимым публичным интеллектуалом. Выдвигать свои собственные идеи и теории и проповедовать их, дистанцировавшись от всех лоббистских кланов и групп влияния. Владислав Иноземцев – независимый публичный интеллектуал *par excellence*. Он смог отстоять территорию своей свободы и занимается тем, что ему нравится, что он считает действительно важным. В нашем постсоветском мире такое удалось, увы, немногим.

Эта книга – собрание лучших текстов Владислава Иноземцева за 2010–2014 годы. Тексты очень разные и по тематике, и по формату. Но они объединены общей идеологией автора. Эта идеология – европеизм. Перед нами – сборник трудов русского проевропейского интеллектуала, готового и способного всесторонне аргументировать свою позицию и помочь нам избавиться от идеологического мусора, которым заваливает нас тотальная государственная пропаганда.

Что-то вызовет у вас прилив практического интереса, что-то покажется более схоластическим. Но, внимательно прочитав книгу (лучше два раза, одного маловато будет), вы получите ответы на многие проклятые вопросы.

Например:

- Почему Россия все же должна стать членом Евросоюза и как надо покончить с евразийством?
- Почему в современной России невозможна модернизация?
- На чем построена сила путинского режима в чем его роковые слабости?
- Во сколько и во что обойдутся нам присоединение Крыма и другие новейшие внешнеполитические авантюры?
- Как выжить Украине?
- Почему изоляция российской экономики приведет к ее скорому краху?
- Правда ли, что широко разрекламированное нашей властью импортзамещение – фикция и блеф?
- Действительно ли Россия необратимо теряет лидерство в космосе? А на Земле?
- Что такое BRICS и почему этот альянс ни черта не поможет России?
- Превратится ли наша страна в сырьевой придаток Китая?
- Что такое «Русский мир – 1» и как он воюет с «Русским миром-2»?
- Чем станет Россия к 2030 году?

Многие из статей сборника публиковались во влиятельных изданиях по всему миру – от американской *The Washington Post* до российских «Ведомостей». Но, мой взгляд, были пока недостаточно прочтены, увидены и услышаны. Что, увы, закономерно: оголтелый пропагандист в сегодняшней российской реальности имеет больше шансов добраться до широкой аудитории, чем независимый публичный интеллектуал.

Надеюсь, что книга, заботливо сделанная издательством «Алгоритм», восполнит этот пробел.

В общем, наслаждайтесь.

Станислав Белковский

Предисловие

Не скрою: предложение издательства «Алгоритм» опубликовать под одной обложкой часть моих материалов, которые на протяжении этого года вышли в разных газетах и журналах в России, Европе и Соединенных Штатах, было для меня совершенно неожиданным – и потому особенно приятным.

Еще более неожиданным оказалось то, что сотрудники издательства сами собрали те статьи, которые показались им наиболее интересными. Пользуясь правом автора, я несколько скорректировал список, внося в него ряд текстов, печатавшихся на иностранных языках и не переводившихся на российских интернет-ресурсах. Кроме того, каждой части сборника, организованного по тематическому принципу, я позволил себе предпослать по одному тексту, опубликованному за три-пять лет до наших дней – отчасти чтобы показать, что высказанные в последних статьях суждения являются предметом долгих размышлений, отчасти чтобы похвастаться, насколько точными выдались данные несколько лет назад прогнозы.

Большая часть статей представляет собой точное воспроизведение текстов, опубликованных в газетах и журналах, выходные данные которых приведены в конце каждой статьи. В некоторых случаях, когда речь идет об иноязычных публикациях, использованы русские тексты в том виде, с которого они переводились для направления в издательства и редакции.

Общая тональность книги вышла, разумеется, минорная – но давайте будем надеяться, что уходящий 2014 год станет не только годом испытаний и выбора, но и годом, с которого в жизни страны и многих ее граждан начнутся значимые перемены. И они, я убежден, окажутся позитивными – ведь из того состояния, в котором мы находимся, единственным направлением движения может быть движение к лучшему.

Владислав Иноземцев.

Варшава, 5 октября 2014 года

Стоит ли вся Россия одного Крыма?

Что случилось с Россией?

От скоротечной перестройки к нескончаемому путинизму (2010)

В последние годы многие исследователи и журналисты все чаще начинают сравнивать Россию с Советским Союзом: говорят о вновь ставшей неприкасаемым классом бюрократии, об однопартийной системе, демонтаже демократических норм, «телефонном праве», атаках на свободу слова и даже о возрождении «русского империализма». Путинскую эпоху уже уподобляют периоду брежневского застоя. Однако вряд ли что-нибудь может быть более ошибочным, чем подобные суждения.

Российская Федерация 2010-х годов – это не Советский Союз конца 1970-х.

С одной стороны, в них много похожего. На место вертикально выстроенной КПСС пришла партия «Единая Россия», на 46 % укомплектованная чиновниками разных уровней. Место Верховного Совета заняла Государственная Дума, избираемая по партийным спискам, заранее утверждаемым в Кремле. К выборам допускаются только те партии, которыми власть умеет управлять. Митинги несогласных жестоко разгоняются полицией. Телевидение открыто цензурируется. Суды выносят выгодные власти или нужные ей в данный момент решения. В экономике Россия стала еще более «позднесоветской»: ее экспорт состоит из нефти, газа и иного сырья уже не на 55 %, как при Брежневе, а на все 80 %. Зато бюрократов в стране со 142 миллионами населения уже в 1,2 раза больше, чем было в СССР с его 287 миллионами граждан. И в рядах российских милиции и служб безопасности сегодня задействовано больше людей, чем было во всем Советском Союзе. Все крупнейшие корпорации прямо или косвенно контролируются государством. Во внешней политике крах СССР рассматривается как «геополитическая катастрофа XX века», а суверенитет постсоветских государств, кажется подчас, считается условным.

С другой стороны, сегодняшняя Россия радикально отличается от Советского Союза. Каким бы уродливым ни казался правящий режим, он возвышается над парадоксально свободной страной. Россияне беспрепятственно выезжают из страны и возвращаются в нее; более 5 миллионов живут за границей, не теряя российского гражданства. Россия открыта миру экономически (внешнеторговый оборот по итогам 2009 года составил в пересчете по рыночному курсу валют 40,7 % ВВП против 37,1 % во Франции и 18,3 % в США), культурно и информационно. Западные газеты продаются, а спутниковые телеканалы принимаются во всех крупных городах, где сегодня в общей сложности постоянно живут уже более 300 тысяч граждан западных стран. Интернет, в отличие, например, от Китая, никак не ограничивается. Критика власти больше не опасна, хотя особых дивидендов и не приносит. Русские получили свободу заниматься бизнесом – и в стране существует 1,5 миллиона мелких и средних частных предприятий. Они стали собственниками своих квартир, построили почти 4 миллиона частных домов и могут покупать земельные участки любых размеров. Появились частные банки и промышленные компании, чьи владельцы в 2009 году заняли 13 из первых ста строк в мировом рейтинге миллиардеров по версии журнала «Forbes».

Что же это за общество?

Современная Россия – уникальная страна. Причудливое переплетение квазисоветских и псевдозападных черт породило ситуацию, в которой, говоря словами известного русского историка Алексея Миллера, «живя в заведомо несоответствующей демократическим

стандартам России, чувствуешь себя лично свободным» (Миллер, Алексей. «От демократии XIX века к демократии XXI: каков следующий шаг?» // Иноземцев Владислав (ред.) Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века, Москва: Издательство «Европа», 2010, с. 101). И это действительно так. Путинская модель намного совершеннее брежневской – причем по меньшей мере сразу в двух аспектах.

Во-первых, в советское время власть могла доминировать только в закрытой стране и с помощью опоры на идеологию, которая казалась жителям Запада убогой и примитивной, но до некоторых пор разделялась в Советском Союзе многими, если не большинством. Люди в СССР знали немного о жизни в Европе и Америке и при этом ориентировались на великую цель, которую должен достичь советский народ. В такой ситуации коммунистическая верхушка выстраивала авторитарную «вертикаль власти», борясь с инакомыслием и распространением любых информации и мнений, оспаривающих ее «руководящую и направляющую» роль, что можно считать довольно естественным: подобные эксперименты проводились и еще проводятся во многих странах мира. Сегодня ситуация изменилась до наоборот: идеология рухнула, а на ее место пришла худшая форма капиталистической беспринципности; никто не ждет достижения новых рубежей в будущем, находя какие-то поводы для гордости и самоуважения в близком или отдаленном прошлом; Россия совершенно открыта, большинство жителей побывали за границей, а образ и уровень жизни там хорошо знакомы россиянам; можно высказывать любые точки зрения, критиковать власть, свободно получать и распространять информацию. И в этой среде за последние десять лет масса авторитарных принципов и инструментов брежневской эпохи были восстановлены практически без всякого значимого сопротивления со стороны общества.

Во-вторых, советская система была основана на бедности и распределении самых примитивных благ. Реформаторы времен горбачевской перестройки и западные советники первого демократического правительства России были уверены в том, что преодоление дефицита товаров и появление у людей собственности станут заслоном на пути реванша авторитарных сил. Однако этого не случилось. Экономический рост 2000-х годов, ставший заслугой не путинской власти, а благоприятной глобальной конъюнктуры, повысил уровень жизни граждан и сделал их лояльными режиму, в то время как представители среднего и высшего классов осознали, что безопасность их состояний зависит от политической лояльности. В итоге была совершена уникальная для современного мира сделка по обмену экономического благосостояния на политическую «стабильность», которой очень гордится бывший президент и нынешний премьер-министр В. Путин и которую он считает своей главной заслугой перед страной. Для поддержания этой стабильности правительство защищает «национальных производителей» таможенными барьерами, избегает вступления в ВТО и позволяет десяткам тысячам бизнесменов пользоваться преимуществами квазимонопольного положения на рынках. Стремительный рост издержек (внутри России металлы и строительные материалы стоят дороже, чем на мировых рынках, а себестоимость добычи газа в 2000–2009 годах выросла более чем в 7[!] раз) приводит к повышению розничных цен до европейского уровня, что отчасти компенсируется перераспределением в пользу малообеспеченных граждан нефтегазовых доходов.

Таким образом, современному поколению российских лидеров удалось создать модель, о которой их коммунистические предшественники не могли и мечтать. Они поставили под практически полный контроль гигантские богатства страны; во много раз повысили благосостояние чиновников, которые стали базой для доминирования правящей элиты; *de facto* упразднили свободные выборы и отменили право на демонстрации и забастовки; сделали судебную власть зависимой от правящей бюрократии и по сути породили отделенное от народа сообщество, живущее на закрытой территории и даже по городским улицам передвигающееся без соблюдения каких-либо правил. При этом режим допустил немыслимые для советского времени свободы слова и передвижения, позволил гражданам заниматься бизнесом, иметь значительную

частную собственность и даже критиковать правителей как заблагорассудится. Мы получили свободное общество с авторитарной властью – симбиоз, невозможный с точки зрения классической западной социологической теории. Что это: преходящая аномалия или свидетельство ошибочности представлений, которые казались неоспоримыми многие десятилетия?

Секрет становления российского авторитаризма

Чтобы ответить на этот вопрос, следует понять, почему российское общество согласилось с ограничением свобод, которым оно было так привержено в годы перестройки? Ответ видится мне в обесценении коллективных действий.

В свое время выдающийся польско-британский социолог Зигмунт Бауман назвал жизнь современного человека «процессом индивидуального решения системных противоречий» (Бауман, Зигмунт. Индивидуализированное общество [пер. с английского под редакцией и со вступ. статьей Владислава Иноземцева], Москва: Логос, 2002, с. 86). Если говорить предельно кратко, секрет путинской России состоит как раз в резком расширении «социального пространства», на котором гражданам позволено индивидуально решать системные противоречия.

Масштаб и непреодолимая сила перестройки, инициированной в 1985 году, были обусловлены составом ее сторонников, которые в иных условиях никогда не смогли бы действовать в унисон. Советская система не позволяла проявить себя слишком многим и слишком разным людям и социальным группам. Носители отличных от общепринятых взглядов преследовались; инициативы были наказуемы; альтернативная культура зажималась; религиозная жизнь подавлялась; люди не могли выехать за границу, узнать правдивую историю собственной страны, в полной мере проявить свою национальную принадлежность. Профессор-атеист и истово верующий православный крестьянин имели почти равные основания быть недовольны системой – также как имели такие основания ортодоксальный еврей и великорусский шовинист. При этом «индивидуальные ответы» на существовавшие вызовы по сути были невозможны: границы закрыты, самиздат запрещен, религиозное и этническое самоопределение подавлены. На все это наслаивались неравномерное распределение и убогая экономика, работавшая сначала на оборону, и лишь потом – на удовлетворение минимальных потребностей граждан, и система партийно-советской бюрократии, требовавшая согласования почти каждого шага и делавшая крайне некомфортной жизнь несогласных.

Как только Михаил Горбачев заговорил о переменах, его намерения нашли миллионы сторонников. Некоторые хотели реформы и обновления системы, некоторые – ее полного разрушения, но все понимали: никто не решит своих частных проблем, не разрушив рамок, сковывавших все общество в целом. Поэтому шахтеры, которые ныне сотнями гибнут в забоях от нежелания толстосумов-хозяев раскошелиться на нормальное оборудование шахт, с энтузиазмом выступали вместе с первыми кооператорами за радикальные перемены, а местечковая бюрократия, не имевшая возможности «развернуться», бросала на стол партбилеты и провозглашала независимость национальных республик. Система, не устраивавшая почти всех, не могла выжить.

Современная российская система не повторяет ошибок советской. Во-первых, она исторгла из себя миллионы активных граждан, покинувших страну на протяжении конца 1980-х и всех 1990-х годов – людей с активной жизненной позицией, практически наверняка пополнявших бы ряды диссидентов нового типа. Во-вторых, она открыла перед массой своих жителей возможность обогащения, самореализации в бизнесе, горизонтальной и вертикальной мобильности, дало всем право свободно выезжать из страны и возвращаться в нее. В-третьих, она нашла тонкий баланс интересов и возможностей, дав талантливым и активным зарабатывать деньги в коммерческом секторе, а тупым, но исполнительным – в рядах коррумпирован-

ной бюрократии. В-четвертых, она позволила чиновникам низовых уровней вершить произвол до тех пор и в тех пределах, в каких это не противоречит устоям системы. И не нужно списывать ее успехи на разнузданную пропаганду – последняя выглядит скорее излишней и искусственной на этом фоне. Это советской власти приходилось тратить огромные усилия на убеждение граждан в том, что она лучшая из лучших. Сегодня этого можно не делать просто потому, что в стране не осталось граждан. Ее в основном населяют люди, желающие есть и спать, зарабатывать деньги и свободно действовать в своем ограниченном пространстве, видеть реалии другого мира, но удовлетворяться (и даже гордиться) своими (а порой и тем, на что они даже не претендуют). Обычная жительница провинциального российского городка, приехавшая в первый раз в Париж, сказала экскурсоводу: «А в Москве-то машины куда покруче будут!». Даже в том, что ей самой никогда не будет принадлежать, она видит плюс – а не минус, – собственной страны. Путин может спать спокойно. Под ним – абсолютно деструктурированное общество, *liquid postmodernity*, не способная к самоорганизации и не имеющая общих задач и единых целей.

Базовый принцип новой системы

Почему же новое российское общество оказалось таким текучим и дезинтегрированным? Ответ кроется, на мой взгляд, в особом характере элиты и тех «социальных лифтов», которые в нем сформировались. Если в большинстве не только западных, но и успешно модернизирующихся обществ существуют несколько элитных групп (политическая, предпринимательская, интеллектуальная, военная, и т. д.) то в России в период перехода к рынку их разделенность оказалась утраченной. Некоторые (ученые и военные) на время стали ненужными, их труд практически перестал достойно оплачиваться, а общественные ценности сместились в сугубо материалистическую область. Другие (как политики) на время оказались наедине с народом, требовавшим от них тех благ, которые они не могли ему дать. Бизнес же, чья элита сформировалась в основном отнюдь не на основе меритократических принципов, стал определять социальные ценности и по мере своего усиления проникать во властные структуры. На этом первом этапе – в основном завершившемся к началу 2000-х годов – государственный аппарат был в значительной мере зависим от бизнеса, но далеко не вполне жил по его идеологическим принципам.

Катастрофа служила именно в последние десять лет. Вместе с Путиным к руководству страны пришли относительно молодые люди, стремившиеся к обогащению и только к нему, и уже понявшие, какие возможности для этого открывает государственная власть. Бизнесмены, ранее пришедшие власть, в мгновение ока стали нежелательными – власть сама стала предпринимателем. Начал формироваться как государственный бизнес (именно в первые годы путинского правления многие крупные компании вернулись под контроль государства, а позднее возникли и госкорпорации), так и бизнес чиновников (и на федеральном, и на региональном уровне). Если в 1990-е годы мало кого удивляло, что губернатора содержала та или иная банковская или промышленная группа, то в 2000-е считалось нормальным, что через пару лет после назначения нового главы региона или министра его родственники и друзья контролируют заметную часть территориального или отраслевого бизнеса. Вскоре по тому же пути пошла и элита «силовиков» – в итоге милиция стала самым коррумпированным институтом, приватизация ненужного военного имущества сделала чиновников Минобороны миллионерами, а цены закупок военной техники и снаряжения выросли за десятилетие в 8-11 раз (!). И сегодня купить во Франции готовый вертолетоносец «Мистраль» обойдется дешевле, чем в России построить катер береговой охраны. Немного времени потребовалось и для того, чтобы деньги и только деньги стали основным предметом вожделения и в среде ученых и журналистов...

К концу 2000-х годов сформировался главный базовый принцип новой российской реальности: свободная конвертация власти в деньги и собственность и обратно. Элита стала консолидированной и единой. Это элита власти, воспринимающей собственную деятельность не как служение обществу, а как вид бизнеса. Парадоксально, но эта элита довольно открыта: в нее постоянно кооптируются все новые люди, а некоторое количество тех, кто покидает властные коридоры, посвящают себя «чистой» коммерции. Поэтому европейцам, с недоумением наблюдающим за неэффективностью российской бюрократии, следовало бы перестать удивляться: бюрократия на деле очень эффективна – просто у нее иной критерий эффективности и иные представления о должном.

Перспективы

Сегодня можно с уверенностью сказать: Россия – это совершенно особая социальная общность, живущая по своим законам и правилам. Это не слепок с западной демократии, немного «не дотягивающий» до оригинала. Это не восточная деспотия, немного «скорректированная» с учетом европейской истории ее подданных. Это не «воскресший» Советский Союз с его вселенской идеологией. Это не образец «авторитаризма развития», потому что экономика страны развивается не от добывающей к постиндустриальной, а ровно в обратном направлении. Это не... Список можно продолжать очень долго...

Современная Россия – это социальная система, сформировавшаяся в результате быстрого краха всех ценностных ориентиров и целей, который произошел в мире, где доминантной выступает примитивная материалистическая мотивация. Путь, который выбрала Россия, был найден ею самой, но в мире менее циничном и меркантильном чем нынешний, он вряд ли бы состоялся. Без готовности европейцев покупать российские нефть и газ у любых полукриминальных посредников, без радостного желания западных политиков трудоустроиться в «Газпром» или хотя бы успеть расшаркнуться перед Путиным, без готовности инвесторов вкладывать деньги в спекулятивные пузыри на российском фондовом рынке и рынке недвижимости, без офшоров, через которые российские предприниматели и чиновники – первые открыто, а вторые инкогнито – владеют сегодня почти 70 % крупных промышленных предприятий собственной страны путинская Россия не смогла бы существовать. И то, что она существует – скорее не случайность, а закономерность. И она будет существовать еще долго, так как недовольство системой во многом картинно; нелояльным гражданам открыты возможности для неполитической реализации или свободного выезда из страны; те же, кто хочет продолжать возмущаться, не запрещают даже этого – просто у них почти нет аудитории, которую эти протесты могли бы на что-то подвинуть...

Россия начала XXI века – это общество, с полной прямоотой реализовавшее те циничные принципы, которые в менее заметной форме присутствуют и в современных западных странах: примат денег в «эру потребления», условность культурных норм, продажность всех и вся, управляемость толпы, широкое применение технологий массового убеждения и зомбирования, и т. д. Единственная проблема этой системы заключена в том, что она не способна порождать интеллектуальный класс и генерировать знания, которые как никогда ранее востребованы в современном мире. Интеллектуальный класс не нужен стране, где главным ресурсом являются природные богатства, но может потребоваться в будущем, когда глобальная экономическая конкуренция станет еще более жесткой. Этого не видел и не видит Путин, но хорошо понимает президент Дмитрий Медведев – безусловно, самый разумный человек путинской «команды». Он не хочет демонтажа сложившейся системы, но понимает, что она малосовместима с технологическим прогрессом. Начнет ли он реальные реформы? На этот вопрос сейчас никто не в состоянии ответить. Но смогут ли они изменить систему, не разрушая ее? Как

ни печально это покажется либералам и демократам, шансов на это в нынешней России куда больше, чем в России позднесоветской...

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Что случилось с Россией? От скоротечной перестройки к нескончаемому путинизму» // Неприкосновенный запас, 2010, № 6 (74), с. 172–179.

Также текст публиковался в газете *Le Monde diplomatique* под названием «Россия: свободное общество под авторитарным контролем» (см.: Inozemtsev, Vladislav. «Russie, une société libre sous contrôle autoritaire» // *Le Monde diplomatique*, 2010, № 10 (Octobre), pp. 4–5) и ее изданиях на многих европейских языках (Inosemzew, Wladislaw. «Putins Freiheit» // *Le Monde diplomatique*, 2010, № 10 (Oktober), pp. 1, 16–17; Inozemtsev, Vladislav. «Rússia: uma sociedade sem cidadãos» // *Le Monde diplomatique*, 2010, II Serie, № 48 (Outubro), pp. 4–5; Inozemtsev, Vladislav. «Una societă liberă sotto controllo autoritario» // *Le Monde diplomatique*, 2010, № 10 (Ottobre), pp. 6–7; Inoziemcew, Władystaw. «Rosja: od zbyt krótkiej pierestrojki do nie kończącego się putinizmu» // *Le Monde diplomatique* Edycja Polska, 2010, № 10 (56), pp. 8–9; Inozemtsev, Vladislav. «Russia should't work but it does» // *Le Monde diplomatique* English edition, 2010, № 11 (November), pp. 12–13; Иноземцев Владислав. «Русия – общество без граждан» // *Монд дипломатик* българско издание, 2010, № 10(71), с. 2–3, и т. д.)

Россия на пути к новому средневековью

(2014)

Драматизм и трагичность событий на Украине не располагают к без эмоциональному анализу ситуации, но без него все же не обойтись. Никто из действующих лиц большой политической игры, ведущейся внутри и вокруг Украины, не безгрешен – но мне менее всего безразлична позиция моей собственной страны. Позиция, которая выглядит, на мой взгляд, отчасти умирительно непоследовательной, но отчасти и вопиюще опасной.

Сначала о непоследовательности. Что случилось в феврале 2014 года в Киеве? Народная революция, приведшая к государственному перевороту и утверждению на Украине новой власти. Просматривается ли в ней иностранное участие или поддержка? Да, они заметны. Имели ли такие события исторические прецеденты? Конечно, и самый яркий – череда революций 1917 года в России, где произошел сначала внутриэлитный, а потом популистский переворот, идеология и организаторы которого поддерживались рядом европейских стран. Как сейчас в Кремле относятся к лидерам октябрьского переворота? Не слишком критично – главному террористу даже собираются восстановить памятник на Лубянке. А к интервентам, напавшим на Советскую Россию? Как к агрессорам, а не борцам за гуманитарные ценности. Если подойти с теми же мерками к событиям на Украине, легко понять, кто в сегодняшнем мире непревзойденный специалист по «двойным стандартам».

Каждая современная нация начинала свою историю с революции. Каждая революция несла с собой насилие и «перегибы». Не адептам СССР и выходцам из ВЧК осуждать киевских повстанцев. Но это не самое важное.

Куда существеннее огромный диссонанс между риторикой и действиями российских руководителей и сложившейся мировой практикой. Современная международная система (родившаяся в огне религиозных войн XVII века) основана на принципе суверенитета и невмешательства государств в дела друг друга. Принцип этот нарушался и нарушается довольно часто и под разными предлогами – но международное право становится все более определенным, и сегодня сложился консенсус, согласно которому вмешательство в дела других стран оправданно либо как ответ на агрессию, либо как мера по защите собственных граждан, либо как реакция на массовое насилие и геноцид. Есть классические примеры. В 1991 году международная коалиция начала войну против Ирака в ответ на его агрессию в отношении Кувейта. В 1976 году Израиль нарушил суверенитет Уганды при проведении антитеррористической операции в Энтеббе, спасая удерживавшихся в самолете заложников. В 1978 году Вьетнам ввел войска в Кампучию, свергнув режим Пол Пота, жертвами которого стали 2 млн граждан этой страны. Мир либо не осудил, либо открыто приветствовал эти интервенции.

В случае России и Украины эти примеры нерелевантны. Украина не начинала военных действий против какой-либо страны. На ее территории не происходило и не происходит геноцида или этнических чисток. Наконец, никто из наших граждан не пострадал в ходе украинской революции (среди убитых в киевских стычках были граждане Белоруссии и Грузии, но не России). Даже если считать Украину failed state, это не основание для вмешательства. Не имея таких оснований, российские власти пошли по скользкому пути.

Отечественные политики говорят об угрозе безопасности «русских» и даже «рускоязычных». Слышны разговоры о «братских народах», «общей истории» и «православных корнях». По сути дела, Москва de facto заявила о цивилизационных, а не правовых основаниях для интервенции.

Современная международно-правовая система исходит из гражданской, а не этнической или религиозной идентификации человека. Государства обязаны защищать своих граждан, но не представителей своей титульной нации или последователей своей доминирующей кон-

фессии. Исключением выступает только Израиль, позиционирующий себя как еврейское и, по сути, религиозное государство. Россия пока не определяет себя как русское и православное государство – если она попытается это сделать, страна просто перестанет существовать. У России нет оснований «защищать» за своими границами «соотечественников», «русскоязычных» или «православных». Можете представить себе, что произойдет, если Ким Чен Ын решит защитить южнокорейских соотечественников от угроз американского военного присутствия? А почему бы Парижу не вмешаться в дела какой-нибудь из стран Западной Африки, где права «франкоязычных» нарушаются чуть ли не каждый день? Да и какой-нибудь мусульманской стране давно пора вторгнуться в Голландию или Германию, где положение правоверных далеко от идеального. Но никто не хочет войны всех против всех – и поэтому российские обоснования вмешательства в украинские дела совершенно несостоятельны.

Несостоятельна и ссылка на то, что «право наций на самоопределение никто не отменял». Это право определено Декларацией Генеральной Ассамблеи ООН «О предоставлении независимости колониальным странам и народам» (резолюция от 14 декабря 1960 года № 1514) и касается народов колоний. Русское меньшинство на Украине не является лишенным государственности этносом – и вполне может воссоединиться с соотечественниками, просто переехав в Россию (что случалось с меньшинствами в условиях распада государств или изменения их границ довольно часто). В ином случае реализация «права наций на самоопределение» трактуется как сепаратизм – и государственные власти имеют право его пресечь (как это случилось не так давно в отношении задумавшегося о «самоопределении» чеченского народа).

Сомнителен и тезис о «гражданах России», во множестве проживающих на Украине. На момент распада СССР получить российское гражданство, не будучи прописанным на территории РСФСР, было весьма проблематично. За последующие годы массового переселения российских граждан на Украину не отмечалось – скорее шел обратный процесс. Значит, наши «граждане» в восточных регионах соседней страны – это люди, получившие паспорта «по упрощенной процедуре» и имеющие как минимум два гражданства. Следовательно, Россия присваивает себе право «защищать» интересы лиц, являющихся в первую очередь гражданами другой страны, что создает почву для крайне широкого толкования и большого числа новых конфликтов.

Вывод из сказанного прост. Россия в своем мессианизме с легкостью и непринужденностью отходит от современных правовых канонов в пользу реанимации этнической и религиозной идентичности в качестве чего-то более существенного, чем принадлежность к политической нации. Это значит, что те, кто считает нашу страну отставшей от Европы на 30–40 лет, сильно ошибаются. Масштаб отставания – не менее 365 лет (именно столько времени отделяет нас от Вестфальского договора, прекратившего в Европе религиозные войны и предоставившего властям каждой страны право принятия окончательного решения о судьбах своих граждан). Вероятно, следующим этапом нашей политической эволюции станет оправдание крестовых походов. Тем более что догмат о непогрешимости «папы» уже консенсусно принят...

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Самоопределение Москвы» // Ведомости, 27 марта 2014 г., с. 6.

Украинская авантюра дорого обойдется Путину

Кремль, похоже, сам «купился» на сказки, которые он выдумал для собственного народа: на рассказы о том, что восточные регионы Украины выступают двигателем экономики страны, тогда как западные области живут за их счет. Между тем статистика рисует существенно иную картину.

Часто упоминается, что на Донецкую область в 2013 году пришлось 12,4 % украинского ВВП, в то время как доля пяти западных областей (Закарпатской, Ивано-Франковской, Волынской, Тернопольской и Львовской) в совокупности составила лишь 12,1 %. Однако куда реже отмечается, что Донецкая область получила почти 31 % всех трансфертов, которые центральное правительство распределило между региональными властями. Фирмы, зарегистрированные в этом регионе, возместили из бюджета Украины 129 % уплаченного ими в 2013 году НДС. На протяжении многих лет украинское правительство масштабно субсидировало поставки природного газа из России; Киев платил «Газпрому» до \$410 за 1 тыс. куб. м, в то время как газ перепродавался промышленности по \$220–240 за тысячу «кубов». Около \$2 млрд. ежегодно выделялось на «развитие» местной угольной промышленности. В эпоху Виктора Януковича многие обернувшиеся политиками управленцы были весьма успешны в перераспределении национального богатства в пользу своего родного края: в 2013 году совокупный объем направленных на восток Украины субсидий составил 14 % регионального валового продукта. В недавно ставшем российским Крыму субсидии обеспечивали 63 % доходной части местного бюджета. В то же время самым крупным нетто-плательщиком в бюджет Украины в пересчете на душу населения выступала малоприметная Полтавская область, расположенная в самом центре страны.

Устройство властной системы Украины позволяло легко перераспределять финансовые потоки и тем самым отмахиваться от необходимости технологического прогресса. Энергоемкость украинских химических и металлургических предприятий сегодня в 4–5 раз выше, чем аналогичных производств, действующих в странах ЕС. На протяжении более чем 20 лет украинские металлургические компании так и не смогли отказаться от мартеновских печей и перейти на более энергоэффективные способы плавки стали. Компания ArcelorMittal, которая владеет сейчас крупным заводом в Кривом Роге, сократила число занятых на предприятии более чем на 20 тыс. человек, до 34 тыс. работников, но ее менеджеры говорят о том, что если бы удалось добиться европейского уровня производительности, персонал не превышал бы 7 тыс. человек. Без правительственных субсидий большинство предприятий региона обанкротятся – особенно если цены на газ продолжат повышаться, а на металлы пойдут хотя бы немного вниз.

Союзники, как правило, обходятся России недешево. Ближайшая союзница Москвы – управляемая Александром Лукашенко Белоруссия – получает около \$7 млрд. в год через субсидируемые цены на энергоносители, и еще около \$2 млрд. ежегодно в виде российских кредитов и помощи. Два маленьких клиентских государства, которые Россия отторгла от Грузии в ходе августовской войны 2008 года, Южная Осетия и Абхазия, получили около \$1,8 млрд. напрямую от России и почти \$800 млн. «частных» инвестиций по линии российских госкорпораций. Если добавить сюда среднеазиатские государства, совокупный объем российских трат на своих союзников может оказаться превосходящим \$12 млрд. в год.

Однако все это померкнет, если дело дойдет до серьезного вмешательства на Украине. В 2013 году Киев потратил на разного рода субсидии восточным регионам страны около \$6,5 млрд. Если Москва под тем или иным предлогом решится аннексировать восточные области Украины, необходимость показать себя щедрым инвестором и обеспечить быстрое и существенное повышение жизненного уровня местного населения потребует средств, как мини-

мум в три раза превосходящих этот объем. На прошлой неделе российские официальные лица говорили об экстренной помощи Крыму в размере до \$1 млрд., не исключая доведения ее до \$5 млрд. на протяжении 2014 года. Такие предложения очень напоминают российскую политику в отношении Южной Осетии или Белоруссии – огромные суммы растрачиваются безвозвратно вполне осознанно.

Сближение с Россией – как показывает опыт многих ее союзников – не открывает перед Украиной перспектив быстрого экономического роста, в то время как они могут появиться в случае дрейфа в сторону ЕС. Украине стоит пойти путем Польши, Чешской Республики и Словакии. В последние годы существования СССР валовый региональный продукт на душу населения в Украинской Советской Социалистической Республике был на 6 % выше, чем в социалистической же Польше. Сегодня польский подушевой ВВП втрое выше украинского. Украина – единственная постсоветская страна, которая даже по официальным статистическим данным не вернулась к тому уровню жизни, который был достигнут в советские времена, и это страна, граничащая с государствами, где граждане живут в два, а то и в три раза лучше, чем четверть века тому назад. И вполне естественно, что украинцы видят свое будущее в Европе – не столько потому, что демократия выглядит предпочтительнее авторитаризма, а верховенство закона – предпочтительнее бюрократического произвола, сколько в силу того, что только европейские технологии и европейские инвестиции могут дать толчок экономическому развитию Украины и сделать жизнь ее граждан более обеспеченной.

Стремясь лишить Украину ее восточных территорий, Россия пытается достичь цели, которая политически ничем не может быть оправдана – но в то же время она намерена добиться результата, который явится экономически контрпродуктивным. В свое время Владимир Ленин писал, что политика является наиболее концентрированным выражением экономики. Если бы Владимир Путин внимательно относился к подобным суждениям, он понял бы, что включение востока Украины и Крыма в состав России, и даже их превращение в квазиавтономные клиентские государства потребует от России десятков миллиардов долларов в год и к тому же создаст ненужных конкурентов российским металлургам, угольщикам, химикам, туроператорам и представителям многих других отраслей экономики.

Россия сегодня – это страна нулевого экономического роста и сокращающегося населения. Ежегодно она теряет до \$70 млрд. вследствие оттока капитала. Ее модель сырьевой рентной экономики дает сбой. Поэтому нет ничего удивительного в том, что власть ищет выход во внешней экспансии. Однако вне зависимости от того, сколь успешными будут военные упражнения Москвы, присоединение Украины или ее значительной части приблизит конец путинской империи.

Как ни парадоксально, европейская Украина без Крыма (и даже без Донбасса) будет экономически намного более успешной, чем Украина в ее современных границах, но при этом по-прежнему балансирующая между Европой и Россией. Борясь за восточную часть Украины, Россия пытается захватить финансово несостоятельные экономики, напоминающие части ее собственной. И если в итоге часть Украины проголосует за присоединение к России, проигравшими окажутся ее собственные жители и россияне – но отнюдь не основная часть украинского народа.

Печатается в авторском переводе по тексту статьи: Inozemtsev, Vladislav. «Russia's Path to Poverty» //The Washington Post, 14 марта 2014 г., с. A17

Не надо жертвовать Россией ради Крыма

В такой же весенний день 17 марта двадцать три года назад прошел референдум о сохранении Советского Союза, распад которого президент Владимир Путин считает главной геополитической катастрофой XX века. Символично, что в его годовщину мы подводим результаты крымского референдума, от которого до конца современной (и пока еще «стабильной») России может остаться не намного больше времени, чем от прежнего референдума до конца СССР.

Нет сомнения, что референдум в Крыму даст положительный ответ на вопрос о присоединении Крыма к России. Практически наверняка «просьба трудящихся» будет удовлетворена – российский парламент давно превратился в полный аналог Верховного Совета брежневского Союза. Но что может последовать за этими событиями?

Российская Федерация середины 2010-х годов – это не СССР начала 1980-х. В 1980 году объем экспорта не превышал 2,6 % ВВП. Инвестиции составляли 33,4 % ВВП, и все они обеспечивались за счет внутренних источников. Доля импорта из-за пределов соцлагеря составляла менее 1 % промежуточного и конечного потребления. В стране использовалось 82 % добывавшейся нефти. Не существовало ни трансграничных инвестиций, ни фондовой биржи. Доллар и его курс были абстрактными понятиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.